

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук Брызгалина Виктора Аркадьевича
на тему: «Влияние закрытого социального капитала на экономический рост»
по специальности 5.2.1. Экономическая теория

Актуальность диссертационного исследования

Изучение социокультурных различий между странами и регионами долгое время не считалось частью экономического мейнстрима, как, впрочем, и институциональное направление в целом, да и сегодня некоторыми учеными воспринимается как специфическое ответвление или даже проявление экономического империализма в социальных науках. При этом в России подобные исследования имеют глубокие исторические корни, например известны работы Н.Я. Данилевского, Л.И. Мечникова, В.О. Ключевского, Г.В. Плеханова, М.И. Туган-Барановского, Н.А. Бердяева, Л.Н. Гумилева и др. К сожалению, далеко не всё из этого наследия использовано современными авторами, в том числе В.А. Брызгалиным. При этом подобные исследования имеют не только теоретический интерес, но и прикладную значимость.

Как показали ранее работы академика В.М. Полтеровича о практиках экономических реформ, как впервые разработанные, так и заимствованные инструменты во многих странах часто терпели неудачу, так как не учитывали социокультурные особенности сообществ, в которых внедрялись. Например, контрпродуктивными оказались многие рекомендации Всемирного банка для переходных экономик, а У. Истерли показал общую неэффективность прямой финансовой помощи развивающимся странам. И по этой причине изучение социокультурных характеристик не может не входить в интересы экономистов, хотя сам объект исследования, в том числе накопленный сообществами социальный капитал, требует привлечения инструментария социологии, антропологии, истории, географии и других дисциплин, что частично и продемонстрировал соискатель в своей работе. В последние годы

интерес к теме повсеместно растет, особенно после публикаций А. Алесины, Р. Инглхарта, В.М. Полтеровича, Д. Аджемоглу, Дж. Мокира, А.А. Аузана, Р. Флориды и др. Об этом свидетельствует приводимый соискателем график роста числа публикаций, в которых использован термин «социальный капитал» (рис. 1.1, с. 19). При этом научный дискурс сосредоточен во многом на проблеме взаимосвязей социокультурной специфики и экономического развития.

Диссертация Виктора Аркадьевича написана в таком же ключе, предлагая подход к оценке влияния закрытого социального капитала на экономический рост на уровне регионов и стран. В условиях глобальной турбулентности и социальных трансформаций изучение культурных различий требует определенной научной смелости, при этом не лишено практической пользы. Многие страны находятся в поисках внутренних источников роста, стремясь преодолеть скрытые ограничения. Полезны выводы диссертации и для понимания причин успехов и неудач некоторых инструментов экономической политики в регионах России.

На мой взгляд, научной новизной в используемом диссертантом подходе следует признать изучение не только страновых, но и региональных различий, что часто ускользало из внимания исследователей. Большинство государств имеют столь значительные различия в социально-экономических характеристиках своих частей, что ряд ученых утверждают, что проведение сравнительных и эконометрических исследований на уровне стран, вообще говоря, ошибочно, в частности из-за неоднородности выборок. Классическими примерами социокультурных различий служат: север и юг Италии, католический юг и протестантский север Германии, коллективистский юг и более индивидуалистский север Китая, дикий запад, рабовладельческий юг и индустриальный восток США, Волго-Окское междуречье, Север и Кавказ в России. Некоторые из этих сюжетов отражены и в рассматриваемой диссертации, хотя в силу специфики специальности, по которой она защищается, не имели должного историко-географического обоснования.

Закрытый и открытый социальный капиталы в некоторой мере противоположны. Например, известно, что социальные связи внутри семьи отрицательно коррелирует с обобщённым уровнем доверия. В этом случае можно предположить, что слабые родственные связи могли бы компенсироваться более широкими внешними контактами. Так, диссертант пишет, что *«страны с низкими запасами закрытого социального капитала быстрее переключаются на межгрупповое взаимодействие и раньше начинают инвестировать в качество институциональной среды, что запускает механизм самоподдерживающегося роста»* (с. 75). Но оказалось, что в мире и в России есть региональные сообщества, в которых одновременно есть недостаток как закрытого, так и открытого социального капитала (см. главы 3 и 4). Это может свидетельствовать о высокой атомизации этих сообществ, что, вообще говоря, требует внимания не только ученых, но и практиков стратегического планирования. Ведь в подобных условиях возможно лишь распространение самозанятости, а вот создание крупных семейных предприятий и развитие технологических корпораций или кластеров затруднено, так как последние требуют взаимодействия и доверия разнородных экономических агентов.

Таким образом, тема диссертационного исследования Брызгалина В.А. представляется важной для социальных наук в целом, а полученные результаты имеют не только теоретическую, но и практическую ценность.

Степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций.

Обоснованность научных положений и сформулированных научных выводов, предложенных в диссертации Брызгалина В.А., обеспечивается глубоким анализом и систематизацией теоретических и прикладных исследований зарубежных и отечественных ученых, применением современных научных методов с привлечением широкой статистической базы. Автореферат и представленные публикации соискателя адекватно отражают полученные результаты и положения, выносимые на защиту.

В целом можно согласиться с основными выводами исследования. При этом полученные результаты могут стать плодотворным инструментом для анализа исторических и современных закономерностей. Так, вывод автора о возможном положительном влиянии закрытого социального капитала на рост экономики в условиях плохих формальных институтов (положение 1 и 2) может подтверждаться на примере средневековых цехов и гильдий, а также старообрядческого сообщества в России. В условиях слабой государственности цеха и гильдии, влиявшие на корпоративные связи и убеждения своих членов, в вольных городах Северной Европы могли способствовать росту через накопление и передачу знаний, умений, культуры мастерства. Причем институт цехов обладал значительным бриджинговым капиталом, так как подмастерья путешествовали между мастерами разных городов. Но в соответствии с выводами автора долгосрочное влияние могло стать отрицательным: по мере того, как в цехах и гильдиях усиливалась замкнутость, nepoтизм, они стали ограничивать темпы роста, а города с сильной властью цехов ограничивали внедрение новых технологий, например гильдии писцов могли саботировать развитие книгопечатания. При этом схожие примеры использовались Д. Аджемоглу для описания влияния инклюзивных / экстрактивных институтов, а в работах Д. Норта – порядков открытого / закрытого доступа, что поднимает вопрос о соотношении этих понятий с используемыми в диссертации (открытый / закрытый социальный капитал). Вообще говоря, ученым еще предстоит выяснить роль социального капитала в развитии деперсонализированных институтов, таких как независимая судебная власть, акционерные общества и др. в ряде регионов северо-западной Европы в Новое время, что впоследствии привело к так называемому Великому расхождению между Севером и Югом.

Важно, что приводимые автором выводы и рекомендации могут использоваться в современной практике. Например, внедрение микрофинансирования в бангладешских общинах с высоким уровнем закрытого капитала было относительно эффективным, так как существовали

инструменты неформального инфорсменты, то есть принуждения своих членов к соблюдению условий сделок (с. 155), но в России, эта практика, вероятно, не оказала столь же положительного влияния. Можно предположить, основываясь на результатах диссертации, что из-за низкого социального капитала в нашей стране не столь успешны кооперативы и есть сложности при построении средних предприятий, требующих привлечения большого числа контрагентов. Поэтому для регионов России, в первую очередь, актуальны лучшие практики стран с недостаточным запасом закрытого и открытого социального капитала (положение 5), например опыт Японии, Вьетнама, Венгрии, Ирана, Мексики и Чили (с. 193). В этом случае можно ли считать применимым в России опыт частно-государственных семейных корпораций Южной Кореи (чеболи) или муниципальных предприятий Китая, где высок накопленный закрытый социальный капитал?

Согласно результатам диссертационного исследования в нашей стране не так остра проблема дестимулирующего влияния закрытых гомогенных сообществ на предпринимательские инициативы (положение 4), о которой ранее неоднократно предупреждали исследователи культурных особенностей России, а причины низкой деловой активности в ряде регионов, вероятно, следует искать в ином. Впрочем, здесь возникает вопрос разграничения социального капитала и культурной специфики: могут ли в сообществе укорененные ранее неформальные нормы, препятствующие частной инициативе, например стереотип «будь как все», существовать в условиях недостатка закрытого социального капитала, а соответственно и механизмов принуждения? Согласно приводимому соискателем определению закрытого социального капитала это маловероятно.

Следуя выводам диссертации, большинство жителей регионов России должны быть заинтересованы в сохранении государственности и соответствующих институтов, потому что граждане не могут полагаться на закрытые семейные или иные сети (табл. 4.1, с. 164). Как показывает исследование (положение 5), из-за низкого запаса закрытого социального

капитала в России для экономического роста требуется более высокое качество формальных норм, чем для большинства стран. Таким образом, обоснована политика улучшения делового климата, ведущаяся многие годы. Со временем это может повысить и запас открытого социального капитала.

Критические замечания, вопросы и дискуссионные положения

На мой взгляд, есть некоторые противоречия в определении соискателем понятия «закрытый социальный капитал». Диссертант определяет его как *«устойчивые и широко распространённые ценности и поведенческие установки, которые помогают обществу преодолеть «проблему безбилетника»»* (с. 26). Во-первых, неясно как при подобном определении на практике в соответствии с критическими замечаниями Р. Солоу может происходить накопление и выбытие социального капитала, в частности вложение инвестиций в убеждения или устаревание норм. Во-вторых, упоминаемое в определении возможность преодоления проблемы безбилетника, скорее, служит свойством, а не сутью рассматриваемого понятия. При этом самого определения и описания проблемы безбилетника автор диссертации не даёт. В-третьих, предложенная соискателем трактовка основного понятия не в полной мере соответствует эмпирической оценке (глава 3), в которой используется частота социальных связей респондентов в рамках корпоративных и религиозных групп, но напрямую не учитываются ценности и не решается проблема безбилетника. Регулярность посещения храма не всегда ведет к росту социального капитала, особенно в секуляризированных, атомизированных и индивидуалистских сообществах. Не хватает и разделения корпоративных и религиозных сетей для более глубокого анализа, так, например высокие запасы закрытого социального капитала в центре ислама Саудовской Аравии и в нерелигиозном Китае имеют различное происхождение.

На мой взгляд, дихотомию коллективизм-индивидуализм, описываемую, в частности, в работах Г. Хофстеде (с. 31), нельзя в полной мере рассматривать как проявление накопленного закрытого и открытого

социального капитала. Индивидуализм может не предполагать внешних связей и норм открытости, а вот коллективизм, наоборот, может быть напрямую связан с высоким уровнем обобщенного доверия, когда проблемы решаются «всем миром».

Как показывает африканский опыт, сильные семейные узы снижают стимулы к деловой активности, а значит могут ограничивать возможности экономического роста (с. 60). При этом старейшими в мире являются именно семейные предприятия Японии, Италии, Швейцарии, Китая, сыгравшие немаловажную роль в персистентности предпринимательской культуры этих стран (см. например работы М. Фрича). Как объяснить подобное противоречие и какие инструменты в этом случае могут применяться для более эффективного использования закрытого социального капитала? В работе в целом не хватает объяснения причин различий регионов. Например, высоки запасы открытого и закрытого социального капитала в Саудовской Аравии, но низки в соседней Иордании, а в Бангладеш они выше, чем в соседней Индии или Пакистане (приложение 1). Объяснение причин могло бы способствовать лучшему обоснованию рекомендаций.

Число и частота связей индивидов, очевидно, имеют физические границы, так как человек не может взаимодействовать с другими людьми бесконечно. Поэтому социальные связи внутри замкнутых групп могут постепенно вытесняться связями с внешней средой, о чем пишет и сам диссертант (п. 1.2). В этом случае есть определенные сомнения в линейности связей между закрытым социальным капиталом и характеристиками экономического роста (рис. 3.5., 3.6.), что упоминается и в ряде предшествующих эмпирических работ.

Диссертант обоснованно большое внимание уделяет процедуре эмпирической проверки взаимосвязи социального капитала и экономического развития из-за неоднозначности причинно-следственных связей (глава 3). В целом подход автора к оценке следует признать удовлетворительным, хотя дополнительная проверка упоминавшейся выше нелинейности связей, а также

использование системы одновременных уравнений могло бы повысить достоверность результатов. Дело в том, что использование независимой переменной со значительным временным лагом в пространственных регрессиях не всегда решает проблему эндогенности, особенно если независимая переменная слабо изменяется во времени или зависит от третьей ненаблюдаемой и слабо изменяемой переменной, например культурных (религиозных) норм. К достоинствам эконометрического подхода следует отнести проверку влияния закрытого социального капитала во взаимосвязи с институциональными переменными, расчет которых на уровне стран, однако, вызывает сомнения. Так, например, на рис. 3.4 (с. 114) ряд стран, включая Россию, имеют необоснованно низкую оценку индекса верховенства закона, что требует пояснений. К тому же в ряде моделей (табл. 3.5, с. 127) пропущен регрессор капитала; эта проблема не решается в полной мере использованием фиксированных эффектов, так как недоопределённость производственной функции, лежащей в основе используемой соискателем модели экономического роста, могла исказить результаты оценок.

Эмпирическая стратегия соискателя основана на довольно сильном утверждении о высокой долгосрочной устойчивости показателей социального капитала. Эта гипотеза требует более строго обоснования, так как уровень доверия и корпоративные связи могут довольно быстро разрушаться в результате мощных шоков, как показывает опыт 1990-х гг. в России. Например, в приложении диссертации (с. 193) уровень открытого социального капитала в Испании за один год (с 1999 по 2000) сократился с 73% до 65%. Если же речь идет о сильной межгодовой флуктуации, то это требует осреднения значений за несколько лет.

В целом используемая автором укрупненная сетка экономических районов России не позволяет в должной мере проследить региональные особенности. Например, в республиках Северного Кавказа уровень замкнутого социального капитала, вероятно, выше из-за влияния исламской религиозной культуры, как и в Татарстане. Несмотря на то, что Дальний

Восток России сформировался в результате ряда миграционных волн и предположительно должен, как Восточная Сибирь, обладать сравнительно низким закрытым социальным капиталом, этого не наблюдается, что требует некоторых пояснений. Возможно ли здесь большее проявление этнических социокультурных черт из-за особенностей опросной выборки или чувствуется влияние более закрытой культуры Китая?

Хотя библиография диссертации насчитывает более 200 источников, следует заметить некоторую нехватку ссылок на отечественные научные работы, в частности более широкой могла бы быть связь с иными социальными науками. Можно вспомнить работы уже упомянутого Л.Н. Гумилева, традиционно игнорируемые в эмпирических оценках социокультурных различий, хотя популяризированный им термин «пассионарность» соискатель использует. Не упоминаются исследования Д.Е. Раскова о старообрядчестве как феномене успешного накопления закрытого социального капитала. Нет и ссылок на работы коллег из РАНХиГС, в частности П.Н. Павлова, ранее занимавшегося проблемами социального капитала и его связи с региональным развитием в России. И.В. Стародубровская исследовала замкнутые сообщества Северного Кавказа, что могло быть полезно в объяснении выявленных соискателем региональных особенностей.

В целом в главе 4 не хватает конкретных примеров и анализа причин современных региональных различий в накоплении социального капитала в России. Для их понимания, вероятно, необходимо применение историко-географического инструментария, а дальнейшее углубление территориальных исследований потребует учета работ по культурной географии. Так, неравномерное принятие христианства могло снижать замкнутость родовых общин из-за необходимости обменов в условиях запрета на родственные браки, что частично может объяснять низкие уровни закрытого социального капитала во многих христианских регионах и странах (рис. 3.2, с. 106). Соискатель упоминает работы Н. Нанна о влиянии работоторговли на уровень

доверия и замкнутость корпоративных структур в Африке, но благоразумно обходит стороной подобные вопросы в истории России; хотя позднее освоение южных территорий страны связано со схожими угрозами. Крепостное право в Перу (мита) может частично объяснять преобладание закрытого социального капитала над открытым (рис. 3.2, с. 106). По аналогии в досоветский период крепостничество могло способствовать формированию замкнутых крестьянских общин, а научные, университетские и предпринимательские сообщества могли повышать уровень обобщенного доверия. Как показывают наши исследования, социокультурные особенности региональных сообществ с ранним основанием университетов и высокой долей крепостных в прошлом могут оказывать разнонаправленное влияние на деловую активность через передаваемые нормы и убеждения. При этом важным в объяснении современных закономерностей мог бы быть учет опыта советского периода, когда происходило ослабление упомянутых закрытых социальных связей из-за урбанизации, высокой мобильности населения, например в результате применения системы распределения выпускников. В позднесоветский период был довольно высок общий уровень доверия, но накопленный открытый социальный капитал в большинстве регионов был потерян в 1990-е гг. в результате серии шоков. Недоверие внутри общества, в частности к формальным институтам, в этот период породило ряд закрытых сообществ, в том числе связанных с криминальной деятельностью. С точки зрения выводов автора краткосрочно это могло снизить последствия экономического кризиса переходного периода в некоторых южных регионах, но породило целую серию институциональных ловушек, ограничивающих их долгосрочный экономический рост.

Исходя из полученных результатов можно наметить некоторые направления будущих исследований:

1. Современный недостаток социального капитала в России может быть взаимосвязан с недостаточной вовлечённостью населения в предпринимательскую деятельность как с точки зрения построения семейных

бизнесов, так и средних предприятий. Известно, что среди предпринимателей уровень социального капитала, в частности, уровень доверия и количество связей, в среднем выше, в том числе в рамках бизнес-ассоциаций. Но неясны направления причинно-следственных связей и дальнейшие механизмы экономической политики.

2. Важным может быть дальнейшее исследование замкнутых сообществ, в частности диаспор. Роль предприимчивых переселенцев и иностранных предпринимателей часто недооценивается принимающими сообществами, хотя перемещенные лица стремятся развивать свои навыки и часто открывают собственное дело. Китайская, индийская, ливанская диаспоры играют значимую роль в развитии как стран-доноров, так и реципиентов. Вероятно, из-за низкого замкнутого социального капитала роль российской диаспоры в развитии регионов нашей страны невысока.

3. В условиях низкого запаса социального капитала может быть значимой роль деперсонализированных цифровых технологий. Цифровые платформы могут стать долгосрочным успешным примером экономического развития для сообществ со слабой связанностью, выполняя роль промежуточного института между самозанятостью и крупными корпорациями. Но это требует разработки соответствующих формальных регуляторных норм и стимулов.

4. В условиях технологической революции, роста удаленной занятости и роботизации может обостриться проблема «экономики незнания», когда часть населения становится исключённой из социального взаимодействия, например пожилые граждане без цифровых компетенций или хикикомори – молодые люди-отшельники в Японии. Эти процессы могут разрушать социальный капитал, особенно в сообществах с его низким уровнем.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает всем требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует

специальности 5.2.1. Экономическая теория, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Брызгалин Виктор Аркадьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата экономических наук по специальности 5.2.1. Экономическая теория.

Официальный оппонент:

Доктор экономических наук, заведующий лабораторией исследований экономики развития ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИПЭИ)

Земцов Степан Петрович

12.11.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена докторская диссертация:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экон. науки)

Контактные данные:

тел.: +7 (499) 956-99-99, e-mail: zemtsov@ranepa.ru

Адрес места работы:

Российская Федерация, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», лаборатория исследований экономики развития (Институт прикладных экономических исследований)

Тел.: +7 (499) 956-99-99; e-mail: zemtsov@ranepa.ru